

Е.В. Макеенко

Новосибирский государственный педагогический университет

**К вопросу о трансформации жанра эпистолярного романа
в современной русской литературе
(Михаил Шишкин, «Письмовник»)**

Аннотация: В статье рассматривается роман Михаила Шишкина «Письмовник» с той точки зрения, как в нем эксплуатируется форма эпистолярного романа, каким образом она трансформируется и какую функцию выполняет такая авторская стратегия в современном литературном процессе в России.

The paper considers the novel «Letter Writing Manual» by Mikhail Shishkin from a few points of view: how it exploits the genre of epistolary novel, how the genre is transformed in it, and what function this kind of the author's strategy performs in the contemporary Russian literary process.

Ключевые слова: смерть субъекта, воскрешение субъекта, эпистолярный роман, коммуникативные стратегии, читатель, чтение, Михаил Шишкин.

Subject's death, Subject's resurrection, epistolary novel, communicative strategies, reader, reading, Mikhail Shishkin.

УДК: 821.161.1–31

Контактная информация: Новосибирск, ул. Вильейская, д. 28. НГПУ, кафедра русской литературы и теории литературы ИФМИП. E-mail: elena.makeenko@gmail.com.

Введение пишущего персонажа в художественный текст, как правило, рассматривается исследователями с точки зрения творческой рефлексии. В большинстве случаев речь идет о некоем авторском метатексте. Литературу, активно использующую такого рода метатекст называют метафигуральной. Кроме распространенного типа персонажей, которые являются писателями по роду своей деятельности, и персонажей-читателей, о которых следует говорить отдельно, мы выделяем еще несколько групп актантов метафигуральной прозы. Например, повествователь, чья креативная функция артикулирована в тексте: когда повествователь сообщает, что это он пишет текст, который мы читаем. Или участники переписки в эпистолярном романе, которые тоже автоматически оказываются скрипторами. То же самое можно сказать о нарраторе в романе, написанном в форме дневника, «записок», бортового журнала, электронного блога и тому подобных форм.

Одной из основных философских гипотез, с точки зрения которых мы обращаемся к метафигуральности, является представление о том, что после «смерти субъекта» в постмодернизме философия и литература переориентировалась на «воскрешение субъекта». Под воскрешением субъекта исследователи понимают «стратегическую ориентацию позднего постмодернизма, фундированную отказом от радикализма в реализации установки на 'смерть субъекта'». Энциклопедия постмодернизма определяет цель воскрешения субъекта следующим образом: «программа 'В.С.' ставит своей целью 'выявление субъекта' в контексте вербальных

практик, задавая акцент на реконструкцию субъективности как вторичной по отношению к дискурсивной среде (поздние Фуко и Деррида, П. Смит, Дж. Уард, М. Готдинер и др.)» [Грицанов, Можейко, 2001, с. 134]. То есть субъект воспроизводится текстом и в результате приобретает парадоксальный статус вторичного, но обладающего креативной функцией. Немаловажным в этом контексте является так называемый «кризис идентификации» (термин Дж. Уарда). То есть, имеющий место в современной культуре кризис человеческой судьбы. Размножение вариантов судьбы посредством нарративного варьирования приводит к тому, что сознание и дискурс для закрепления в ризоме вынуждены давать обратный ход процессу собственного развития (в данном случае скорее «распада») – и искать почву для нового конституирования, установления точек объективности и субъективности, поиска универсальных ценностей, от которых на протяжении длительного времени дискурс отказывался. «...Стратегией преодоления кризиса идентификации становится в современном постмодернизме стратегия коммуникативная: расщепленное Я может обрести свое единство лишь в контексте субъект-субъектных отношений – посредством Другого» [Грицанов, Можейко, 2001, с. 134]. Именно анализ искусственного восстановления коммуникации и представляет для нас основной интерес.

Воскрешение субъекта в русской литературе конца XX – начала XXI веков можно считать явлением не только метафизическим (то есть, по сути, одной из возможных сюжетных ситуаций), но и металитературным – это глобальный процесс, имеющий прямое отношение к истории литературы, ее попытке вернуть время вспять, вернуть дискурсу «человеческое лицо». Актанты со скрипторской функцией берут на себя роль инструментов этого исторического процесса, внедряются в тело дискурса и в очередной раз деконструируют его, вынуждая структуру обрести центр. Наиболее очевиден этот процесс в тех текстах, где письмо является не только элементом сюжета, но и формой его реализации – там структура поддерживается жанром или особой жанровой трансформацией.

Рассмотрим это явление на примере романа Михаила Шишкина «Письмовник», написанном в форме эпистолярного романа. В данном случае (тенденциозном для современной русской литературы) речь идет не о жанре как таковом, а о том, что Жерар Женетт определяет как архитекст. Архитекстуальность – это трехмерная «связь, посредством которой текст включается в различные типы дискурса. Тут идут жанры и их детерминанты ... тематические, модальные, формальные и иные» [Женетт, 1998, с. 339].

В названном романе форма наиболее ориентированного на открытую коммуникацию жанра эксплуатируется для сюжета, построенного вокруг ситуации псевдокоммуникации. При этом текст содержит в себе немало отсылок к явлениям сакрального порядка.

Прежде чем говорить непосредственно о романе, обратимся к исходному жанру эпистолярного романа. О. Рогинская в своей работе «Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе» описывает жанр с помощью выстраивания значимых для него оппозиций, а также выделения интегральных и дифференциальных признаков. «Эпистолярный роман, – пишет Рогинская, – это роман в эпистолярной форме и одновременно роман с эпистолярным сюжетом. История о переписке героев рассказана в форме писем. Каждое из писем в составе романного целого одновременно является и “настоящим” письмом (для героев), и художественной формой (для автора). <...> Эпистолярный роман как художественный текст возникает не как объединение отдельных писем в некую линейную последовательность, а как сложное многоуровневое образование, где тексты вставлены друг в друга по принципу матрешки, тип их взаимодействия – иерархический. Безусловно, здесь мы имеем дело с одной из реализаций модели “текст-в-тексте”» [Рогинская, 2002].

Роман Михаила Шишкина «Письмовник» противоречит канонам жанра уже на формальном уровне. Во-первых, переписка героев (солдата Володеньки и его невесты Сашеньки) не включена ни в какой внешний текст, не снабжена предисловием или информацией об «издателе». Таким образом, модель текст-в-тексте формально не реализуется. Однако при ближайшем рассмотрении (которому посвятил свою research-рецензию литературный критик Мартын Ганин [Ганин]) письма Володеньки являются текстом, реферирующим целый пласт военных мемуаров: это и книга военного корреспондента Дмитрия Янчевецкого «У стен недвижного Китая» (СПб. – Порт-Артур, издание П.А. Артемьева, 1903), и автобиографическая повесть Вадима Шефнера «Имя для птицы, или Чаепитие на желтой веранде», и поэзия Константина Симонова, и многочисленные заимствования из записок путешественников более ранних времен. В то же время письма Сашеньки – это письма, свободные от цитирования или пересказа, но сильно зависимые от авторской лингвофилософии (обратимость языкового времени, нарушение синхронии и диахронии, приравнивание субъекта и события к языковому знаку и т.п.).

Автор не обрамляет эпистолярный текст, не задает ему рамку, не опосредуется персонафицированным нарратором, но, как и читатель, присутствует в тексте в качестве структурирующего начала. Примерно в середине романа, когда в боевые действия на Володенькином фронте вступают ихэтуани и тиф, а кроме того он жалуется на то, что почтовых оказий нет, становится понятно, что от Сашеньки его отделяет по меньшей мере лет пятьдесят-шестьдесят. А это значит, что переписки как таковой не происходит. Эпистолярный сюжет разрушается. «Диалог» между респондентами происходит постольку, поскольку автор выстраивает последовательность (чередование) их писем и называет имена, а читатель, в свою очередь, прочитывает эпистолярный сюжет в силу установки на его существование.

«В романе в письмах основной конфликт обнаруживается не в сфере отношений человека с миром, а внутри самой личности», – пишет Рогинская [Рогинская, 2002]. Речь идет о внутрисобытийности. Именно в этом ключе происходит коммуникация (то есть, автокоммуникация) в романе Шишкина. Кому все-таки пишут персонажи – непонятно. Воображаемым или реально существующим, но не репрезентированным в тексте адресатам? Основным воспринимающим элементом становится читатель, на которого возложена функция осуществления коммуникации. Если воспринимающее сознание, связывающее двунаправленные риторические потоки, выступает в активной позиции, то можно сказать, что дискурс состоялся.

Рогинская выделяет несколько видов трансформации канона эпистолярного романа, из которых релевантными по отношению к тексту Шишкина мне видятся две:

а) Авторская рефлексия над коммуникативной природой письма и переписки, в частности, над типом отношений адресант-адресат: письма в прошлое, письма самому себе.

б) Игра с оппозицией «подлинное / вымышленное», реальные письма реальных людей в функции художественных текстов; возникновение произведений, которые функционируют между fiction и non-fiction.

Дополнительным элементом в этой структуре, обманывающей и в то же время актуализирующей читателя, становится специфический сверхсубъектный уровень. Это и есть то возвращение категории сакрального, о котором мы уже упоминали.

Текст начинается так: «Открываю вчерашнюю “Вечерку”, а там про нас с тобой. Пишут, что в начале снова будет слово. А пока в школах еще по старинке талдычат, что сперва был большой взрыв и все сущее разлетелось» [Шишкин, 2011, с. 7]. Буквальная апелляция к библейскому тексту задает еще один мо-

дус, который впоследствии актуализируется не менее прямыми метафорами (фактически аллюзиями). Библейская легитимация лингвоцентричности в данном случае претендует на завершение некоего цикла. В ежедневной газете пишут, что вначале снова будет слово и, более того, включают в этот сюжет участников сюжета эпистолярного. Первичность слова, таким образом, отменяет необходимость какой бы то ни было еще актуализации субъектов коммуникации, персонажи не должны даже выглядеть людьми – их имена, как, например, в «Голубом сале» Владимира Сорокина, – это, по большому счету, название для речевых потоков, моделей участников коммуникации. Невстреча сознаний, артикулированная на структурном уровне, не имеет значения, встреча на сюжетном уровне (подразумевается, что в конце Сашенька все-таки отправляется на встречу с Володенькой) – перестает выглядеть мистической, а на метасюжетном уровне эпистолярный сюжет работает без сбоев.

Не бессмысленным кажется в этом контексте обратить внимание и на то, что «все, еще не сказанные слова», существовавшие до взрыва (далее в тексте) – это метафора интертекста: «*Причем все, якобы, существовало уже до взрыва – и все ещё не сказанные слова, и все видимые и невидимые галактики. Так в песке уже живёт будущее стекло, и песчинки – семена вот этого окна, за которым как раз пробежал мальчишка с мячом, засунутым под футболку*» [Шишкин, 2011, с. 7]. Возможность переписки двух субъектов, коммуникация между которыми не должна состояться по причине значительного временного разрыва, – это интертекстуальные отношения. Текст романа манифестирует их потенциал коммуникации, а не только «постмодернистской игры».

Возвращаясь к вопросу о сакральности, приведем еще один пример из романа:

«И вот возвращаюсь обратно к велосипеду и вижу: пук ржавой колочки с меня ростом пророс лебедой. И, освещенный закатом, он начинает рдеть. Горит, как куст.

И вдруг говорит:

– Стой!

Я стою.

Он молчит.

Я его спрашиваю:

– Кто ты?

А пламенеющий пук:

– Не видишь, что ли? Я – альфа и омега, Гог и Магог, Гелдат и Модат, одесную и ошуйцу, вершки и корешки, вдох и выдох, семя, племя, темя, вымя, знал бы прикуп, жил бы в Сочи. Я есмь то, что я есмь. Швец, жнец и на дуде игрец. Не бойся меня. Просто с разными людьми говорю по-разному. Ведь мы живём в мире, где каждая снежинка отличается одна от другой, зеркала на самом деле ничего не отражают, и у каждой родинки есть свой непохожий на других человек. Говори!

Я:

– А что мне сказать?

– Скажи: все кругом – это весть и вестник одновременно.

Я:

– Все кругом – это весть и вестник одновременно.

Пламенеющий пук:

– Ну, и в чем проблема?

Я:

– Они все хотят мне объяснить, что для любви другой не нужен. Мол, еще Платон говорил: любовь присутствует в любящем, не в любимом» [Шишкин, 2011, с. 101–102].

Возникновение горящего куста (или неопалимой купины) с довольно специфической речевой характеристикой может быть воспринята двойственно: и как профанация сакрального, и как его утверждение. Но поскольку мы помним, что сакральный статус возвращается слову, а не какому бы то ни было другому воплощению религиозного сознания, и текст работает на это, можно воспринять чрезмерно прямую метафору как момент необходимой встречи дискурсивного потока с категорией сакрализации. Спор о платоновской концепции любви – это, несомненно, спор о коммуникации. Нужен ли Другой для коммуникации? На уровне текста оказывается, что нет – достаточно его фиктивного присутствия. Но на уровне актуализации текста Другой оказывается необходимым условием его существования.

Вопрос в том, зачем структура эпистолярного романа выхолщивается до полного отсутствия диалогического начала, но при этом насыщается гипертрофированными знаками сакральности (сопоставляющейся с понятием коммуникации)? Можно ли сказать, что такого рода двойная трансформация текста является инструментом воскрешения субъектности, и если да, то о чьей идентичности идет речь? С нашей точки зрения, в первую очередь субъектную позицию имеет возможность занять читатель. В то же время, придерживаясь мнения о том, что в современной риторике функции писателя и читателя нельзя до конца разграничивать, мы предполагаем, что через актуализацию читателя и происходит актуализация автора текста.

Вероятно, это и есть вторичное по отношению к дискурсу восстановление субъектности через коммуникацию с Другим, в роли которого выступает текст, нарочито лакунарный и дискретный в коммуникативном плане.

Литература

Ганин М. Михаил Шишкин. Письмовник. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://os.colta.ru/literature/events/details/17894/> (дата обращения: 20.04.2013).

Женетт Ж. Введение в архитекст // Женетт Ж. Фигуры: В 2-х т. М., 1998. Т. 2. С. 282–342

Грицанов А.А., Можейко М.А. Постмодернизм: Энциклопедия. Мн., 2001.

Рогинская О.А. Эпистолярный роман: поэтика жанра и его трансформация в русской литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М, 2002. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/507275.html> (дата обращения: 20.04.2013).

Шишкин М.П. Письмовник. М., 2011.